

В.А. Фатеев

БОРЬБА В.В. РОЗАНОВА ЗА РЕПУТАЦИИ И НАСЛЕДИЕ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ИЗГНАННИКОВ»

Статья посвящена проблеме противостояния в XIX и начале XX веков консервативного и оппозиционного течений русской мысли в свете усилий В.В. Розанова по восстановлению репутации незаслуженно забытых мыслителей традиционного направления, которым он посвятил свою книгу «Литературные изгнанники». Рассматривается точка зрения Розанова, согласно которой доминирующим влиянием в русском общественном сознании на самом деле обладала не монархическая власть, а либерально настроенная интеллигенция.

Ключевые слова: литературные изгнанники, консервативное инакомыслие, интеллигенция, нигилизм, литературный террор, кабак, прогресс, освободительное движение.

В 1913 году В.В. Розанов выпустил книгу под названием «Литературные изгнанники». Это была первая из серии задуманных им изданий, в которых он хотел воздать должное памяти тех консервативных литераторов, которые из-за господства в общественном сознании социал-демократических и либеральных идей выпали из литературного процесса и подверглись забвению, хотя, по его мнению, были достойны лучшей участи. Розанов отмечал, что эти критики, философы, публицисты традиционной религиозно-идеалистической направленности были не столько непримиримыми консерваторами или строго ортодоксальными славянофилами, сколько просто талантливыми, самостоятельно мыслящими одиночками, сочинения которых шли в разрез с господствовавших в обществе оппозиционными настроениями.

Первая книга этого цикла была посвящена Розановым в основном критике, публицисту и философу Н.Н. Страхову, автору довольно известного трехтомного труда «Борьба с Западом в нашей литературе»; небольшое место отводилось и критике Ю.Н. Говорухе-Отроку. Личность Страхова, как и других несправедливо забытых мыслителей, В.В. Розанов намеревался раскрыть с помощью писем этих литераторов к себе, публикуя их с обширными собственными

Валерий Александрович Фатеев — кандидат филологических наук, член редакционной коллегии издательства «Росток» (vfateyev@gmail.com).

комментариями. После Н.Н. Страхова он планировал продолжить серию письмами философа К.Н. Леонтьева, а также сельского педагога и церковного публициста С.А. Рачинского, уже ранее опубликованными и прокомментированными им в журнале «Русский вестник». Сейчас эти переписки, но уже вместе с ответными письмами Розанова, опубликованы в 30-томном собрании сочинений В.В. Розанова.

Получилось так, что литературно яркие, очень живые и публицистически заостренные комментарии В.В. Розанова, сделанные в 1913 году, во многом даже затмили письма сдержанного в выражении чувств Н.Н. Страхова. Помимо того, что в комментариях автор книги блестяще раскрывал личность своего умного и чрезвычайно образованного корреспондента, он на конкретном материале показал ту невероятно трудную обстановку, в которой проходила творческая деятельность писателей подобного направления. Именно в этой книге была наиболее полно раскрыта тема идейного террора в русской печати, которая волновала В.В. Розанова на протяжении всей жизни. Термин «литературные изгнанники» с тех пор вошел в научный обиход.

В.В. Розанов рано понял реальное соотношение консервативных и оппозиционных сил в русской общественной жизни и одним из первых начал раскрывать сущность этого довольно парадоксального явления. Уже в 1891 году, напечатав в консервативных «Московских ведомостях» несколько статей против «наследства 60–70-х годов», т. е. против интеллигентского нигилизма, он по резким ответам маститого критика Н.К. Михайловского сразу почувствовал, что означает плыть «против течения». В 1894 году В.В. Розанов сошелся в горячей полемике по вопросу «свободы и веры» с В.С. Соловьевым, который, подыгрывая оппозиционным настроениям читающей публики, наградил писателя с его запальчивыми требованиями религиозной нетерпимости надолго приклеившимся к нему ярлыком «Порфирий Головлев».

Горькими размышлениями наполнены страницы книги «Литературные изгнанники», рассказывающие о том, почему В.В. Розанов сомневался, сможет ли жить литературным трудом. При огромных журнальных возможностях для всякого «радикала-социалиста» для консерватора поиск органа печати и особенно последующая оплата были сложнейшей проблемой из-за малых тиражей консервативных изданий. По впечатлению, переданному В.В. Розановым, ощущалась какая-то «ненужность» всей вообще консервативной печати..., и на защиту в эту «полуразрушенную крепость» пробирались только те, кто видел в ней, под спудом, «таинственное завещание Руси» — здесь «зарыто в кладо-

вых всё благородство человечества...»¹. Вступив на путь журнальной публицистики, В.В. Розанов очень скоро убедился, что на самом деле всевластными, нетерпимыми к иному мнению гонителями «инакомыслия», подлинными «гасителями духа в России, гасителями просвещения»² были не «реакционные» власти, не «деспотический строй», а как раз те, кто с подачи влиятельной радикальной печати считался «борцами за свободу», «страдальцами», «униженными и оскорбленными». Со временем эта позиция обросла в сочинениях В.В. Розанова убедительной аргументацией и многочисленными примерами, однако она неизменно вызывала взрывы негодования в оппозиционной печати и создала ему незавидную репутацию обскуранта и изувера.

Несмотря на некоторые проявления крайнего консерватизма, особенно в ранних статьях, никаким «обскурантом» в политическом или философском смысле В.В. Розанов, конечно, не был, хотя подобное ошибочное мнение довольно распространено среди читающей публики и до сих пор. Однако ход исторических событий и, в частности, современная ситуация показывают, что если В.В. Розанов, увлекшись апологией подвергшихся гонениям консервативных писателей, и преувеличивал в какой-то степени могущество социал-демократической и либеральной печати, он всё же был очень проницателен в этом вопросе и в его позиции явно было рациональное зерно. Несмотря на то, что ему удалось сильно развенчать миф о «жертвах реакции», о нестерпимом «иге самодержавия», «гнете Церкви», всё же в общественном мнении авторитет так называемых «революционных демократов» и особенно либералов всех мастей до сих пор остается довольно высоким. Поэтому представляется не лишним присмотреться сейчас к этой грани идей В.В. Розанова в исторической ретроспективе.

Существует общеизвестное понятие «террор» — устрашение политических противников путем насилия — убийств, взрывов, захвата заложников. Это политический экстремизм, опирающийся на идейный нигилизм. К таким явлениям относилось, например, убийство П.А. Столыпина, о котором много писал В.В. Розанов и которое сыграло важную роль в его новом «поправении» после долгих лет духовного бунтарства. Тут всё, кажется, понятно.

Но есть еще «террор» иного рода — подавление идейных противников с помощью средств массовой информации и общественного мнения, или, как это

¹Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 81.

²Розанов В.В. Тьма... // Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М.: Республика, 2005. С. 328.

еще называлось во времена В.В. Розанова, «литературный террор». Он, конечно, гораздо менее заметен, но его разрушительная энергия, скрытая поначалу, порождает при выходе на поверхность тектонические катастрофы даже большей силы, чем вспышки терроризма. Литературному террору прежде всего обязана своим бескровным характером февральская революция 1917 года. Главной опорой этой подспудной духовной обработки общества путем развенчивания идейных противников оппозиции в предреволюционную эпоху были леворадикальные, социал-демократические партии и нарастающие свободолюбивые настроения общества, обеспечивавшие поддержку этих нигилистических идей.

Но не сами крайние революционные группировки, подвергавшиеся преследованиями правительства, составляли наибольшую опасность для социальной стабильности и традиционного жизненного уклада. Именно рост негласной, внешне безобидной поддержки обществом идей свободы и демократии способствовал возникновению той особой формы мощного идейного воздействия, которая может быть названа либеральным террором. Это тотальное пропагандистское преследование консервативного «инакомыслия», как показывал В.В. Розанов, придавало нарастающий размах и сокрушительную мощь радикальным идеям, что в значительной мере и привело в конце концов к роковым событиям 1917 года.

Явление либерального террора в России тесно связано с понятиями интеллигенции и нигилизма. Как известно, интеллигенция существует только в России. Во всех странах есть люди, занимающиеся умственным трудом, которых принято считать образованным сословием; наиболее «продвинутые» в умственном отношении люди называются в Европе «интеллектуалами». У нас же всех, кто занимается таким трудом, причисляют к интеллигенции. Но наше понятие интеллигенции шире и вбирает в себя несколько очень разных значений. Например, широкое хождение у нас имеет такое чисто положительное словосочетание, как «интеллигентный человек». Под ним подразумевается не только образованный, но и деликатный, доброжелательный, хорошо воспитанный представитель культурного, образованного слоя, словом... интеллигент. Но на самом деле понятие «интеллигенция» исторически формировалось совсем с иным значением, и эта двойственность используемого до сих пор термина только затемняет сущность исторического явления, затрудняя понимание нашими современниками истоков либерально-интеллигентского террора, приемы которого, хотя и с меньшей эффективностью, используются и в наши дни.

Интеллигенция в послепетровской России представляла собой особое общество «демократически», или, точнее, нигилистически, антигосударственно настроенных людей западнического толка, своего рода духовный «орден» с определенным комплексом идеологических принципов, ставящий своей целью достижение идеалов «свободы, равенства и братства». Главными ориентирами интеллигентского движения были отнюдь не правила хорошего тона, а безотчетная вера в науку вместо религии, идея неуклонного прогресса и борьба с «реакционным самодержавием». Интеллигенция как мощная социальная сила, доминирующая в печати и особенно в неофициальном общественном мнении, сложилась в России к середине XIX века. Хотя комплекс нигилистических идей, вдохновлявших её, пришёл к нам с Запада, о чем писали Н.Н. Страхов, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, сама структура этой стремящейся к идейному диктату неофициальной общественной группировки получила в России совершенно специфическую национальную форму нигилизма.

Жестко консервативное правление Николая I привело в стан борцов с «реакцией» огромное количество представителей образованного сословия, среди которых было множество благородных, искренних людей, свято веривших в высокие цели освободительного движения. В.В. Розанов это осознавал и в особой нигилистической «вере в неверие» видел главную опору радикального движения. Хотя абсолютное большинство представителей «передовой» интеллигенции были атеистами, многие борцы за социальную справедливость, ощущая себя членами неофициального сообщества, или, скорее, «ордена» интеллигенции, обладали такими исключительными качествами, какие бывали обычно присущи религиозным подвижникам: отказ от жизненных благ, готовность к самопожертвованию, альтруизм и пр. Преследование правительством наиболее радикальных представителей интеллигенции приводило к еще большему сплочению оппозиционных сил и росту «левых» настроений в обществе.

Нетерпимость к идейным противникам была характерной чертой либерального движения. Начало интеллигентскому террору, по мнению многих мыслителей последующих поколений, в том числе и В.В. Розанова, положил Виссарион Белинский. В первой половине своего творческого пути это был крупный, настоящий критик, который при оценке литературных произведений опирался прежде всего на эстетическое чутье. Однако включившись со временем в идейную борьбу с «реакцией», «неистовый Виссарион» становился всё более тенденциозным, нетерпимым и, как считал Розанов, может быть признан родоначальником русского нигилизма.

Розанов напоминает, что В.Г. Белинский, окруженный в общественном сознании чуть ли не ореолом святости, удостоился от пронизательного Ф.М. Достоевского убийственной оценки как «самое смрадное, тупое и позорное явление русской жизни»³. В.В. Розанов приводит подборку из более десятка далеких от «интеллигентности», шокирующих своей вульгарностью и цинизмом цитат из писем В.Г. Белинского, показывая «окаянство слова», крайне низкую степень культуры этого создателя «площадной души», этого родоначальника нигилизма⁴. Ярким примером тактики бесстыдного, безоглядного охаивания идейных противников в нашей литературе стало знаменитое письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю по поводу его книги «Выбранные места из переписки с друзьями». Оно представляло собой типичный образец нигилизма, нетерпимости и откровенной духовной пошлости, насаждаемых под видом «демократических ценностей». Нигилистические мотивы «последнего фазиса» В.Г. Белинского, как снова и снова показывает В.В. Розанов, были подхвачены и развиты так называемыми «революционными демократами» Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, Д.И. Писаревым и большим количеством еще более вульгарных оппозиционных литературных критиков типа Антоновича, Зайцева, Ткачева, которые, деспотично навязывая обществу свои радикальные убеждения, конечно, никакими «демократами» не были. Подобные взгляды получали всё более широкое распространение в наивном и доверчивом обществе, жаждавшем свободы и демократии. «Чернышевский и Добролюбов, лишь сея на почве, заготовленной Белинским, получили всходы и жатву. “Современник” после “Отечественных записок”, после “Современника” второй фазис “Отечественных записок” (Щедрин и Михайловский), в промежутках “Русское слово” и “Дело” — вот триумфальные ворота, через которые прошли наши победители»⁵.

«Чахоточный умирающий» В.Г. Белинский, считает В.В. Розанов, своей страдающей смертью пробил брешь в стене любви русских людей к своей родине, «раскрестил Русь», открыл дорогу «для победы над Россией». «Во имя социал-демократии, сперва Фурье, Сен-Симона, идеи Прудона; а затем Лассаля, а теперь — Маркса»⁶. Розанов показывает, как постепенно происходило это оглупление общества. Страшное понижение умственного уровня русского общества — главный ущерб, какой был нанесен нигилистической деятельностью оппозиционных литературных критиков-разночинцев. Если во времена славяно-

³Розанов В.В. Мимолетное. 1914 год... С. 511.

⁴Там же. С. 509–511.

⁵Там же. С. 416.

⁶Там же. С. 416.

филов и западников еще были возможны благородные идейные споры, то в эпоху нигилизма всякое мнение, идущее поперек ложно понятой демократии и гуманизма, подвергалось жестокому высмеиванию или, наоборот, замалчиванию.

Нигилизм, как показывает В.В. Розанов, начинается с отрицания Бога, с ненависти к существующему порядку вещей. Нигилизм — отрицание родины, ненавидение России. «Нигилизм глуп и пошл, собственно, в *частях*, в *подробностях*; в *этом* выкрике: “Бога нет”. <...> Но в *целом* нигилизм очень страшен и очень велик, — именно как *порочность ума и души*, как великое *опошление человечества и истории*»⁷. Нигилизм есть насаждение пошлости, навязывание «кабака».

Понятие «кабака» у В.В. Розанова символизирует все негативные черты, связанные с современным «прогрессом» цивилизации, — нигилизм, отрицание традиционных нравственных ценностей, торжество дурного вкуса и пошлости, духовное разложение. «Социализм пошел в кабак... Впрочем, все явления теперь пошли в “кабак”...»⁸.

«Кабак», по мнению В.В. Розанова, начинал царить и в прессе: постепенно практически всё поле русской журналистики заполнили литераторы либеральных взглядов. Их разрушительные, безбожные идеи, распространяемые под негласным грифом «свободы и демократии», господствовали в обществе, сочувствовавшем «передовым» веяниям. Островки консервативной печати, существовавшей главным образом благодаря правительственной поддержке, заполнялись, как правило, не менее бездушными материалами противоположного, охранительного толка. Если талантливые художественные произведения обычно все-таки обычно находили дорогу к читателю, то настоящим, честно и глубоко мыслящим критикам, публицистам и философам не только не было места в либеральной (и тем более радикальной) печати, но и в душевной атмосфере казенного патриотизма им было крайне тесно. Их произведения не получали должного отклика в обществе, замалчивались, а если что-либо в силу своих достоинств и пробивалось сквозь пелену официоза, бюрократических препон и формализма, то подвергалось сокрушительной критике и глумлению в «левых» изданиях. А такое преследование в печати было равно в литературной судьбе, как писал В.В. Розанов, «ссылке в каторгу»⁹.

⁷Там же. С. 483–484.

⁸Розанов В.В. Сахарна. М.: Республика, 1998. С. 83.

⁹Розанов В.В. Листва. Уединенное. Опавшие листья. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 101.

Литературные репутации в значительной степени зависели от отношения оппозиционной печати, а в самом радикальном лагере складывалась своеобразная, похожая на чиновничью, только с обратным знаком, табель о рангах. Карьера в радикальном литературном лагере зависела не столько от таланта, сколько от степени верности «освободительному движению». В.В. Розанов делает такой вывод: «Нельзя оскорблять величие оппозиции, ни — правды ее, на этом построена (у нас) вся литературная судьба ½ века, и около этого развился литературный карьеризм и азарт его. “Все хватают чины и ордена просто за верно-подданические чувства” оппозиции и даже за грубую ей лесть. Такими “верно-подданными”, страстными и с пылом, были Писарев, Зайцев, Благосветлов...»¹⁰.

Литературный террор, начавшийся с В.Г. Белинского, в 1860-е годы был уже близок к своему пику. Трудно приходилось не только Ф.М. Достоевскому, открыто вставшему на консервативно-христианские позиции, но даже Л.Н. Толстому, роман которого «Война и мир» подвергался критике за несоответствие «демократическим» понятиям о литературе. Нечего и говорить, что никто не знал в те годы и не желал знать самых серьезных и вдумчивых отечественных публицистов, критиков, философов. Имена таких глубоких мыслителей, как А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, И.С. и С.Т. Аксаковы, Н.П. Гиляров-Платонов, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, П.Е. Астафьев, долгое время оставались совершенно неизвестными и только в настоящее время их сочинения находят путь к читателю. Одной из главных заслуг Розанова как публициста и критика было то, что он всеми силами пытался восстановить справедливость в отношении этих «литературных изгнанников», поднять и укрепить их творческие репутации.

Что говорить о мыслителях, сочинения которых требовали умственного усилия, если в изоляции оказались даже лучшие поэты эпохи — А.А. Фет, А.А. Майков, А.А. Голенищев-Кутузов, Я.П. Полонский, которых критика определила в разряд «чистой поэзии», т. е. осудила за эстетизм, отсутствие гражданских мотивов. Затравили за «клеветничество на молодежь»¹¹ автора антинигилистического романа «Некуда» и «На ножах» самобытного писателя Н.С. Лескова, которому негде было печататься, в то время как «страдалцы за народ» имели огромную общественную поддержку и свои влиятельные органы печати. Чего стоит хотя бы обращение талантливейшего, но вечно неприкажного Н.С. Лескова к другому «изгнаннику», Н.Н. Страхову: «Если бы можно

¹⁰ Там же.

¹¹ Розанов В.В. Мимолетное. 1915 год. М.: Республика, 1994. С. 145.

было, не похлопочете ли, ради сохранения меня от глада, присовокупить мне какую-нибудь работку? <...> Ведь просто приткнуться некуда тому, кто написал “Некуда”»¹².

Н.Н. Страхов, как можно узнать из многочисленных книг и статей Розанова, и сам немало претерпел за свои взгляды: оппозиция невзлюбила его еще со времен, когда он вышучивал литературные и философские благоглупости нигилистов, сотрудничая в журналах братьев Достоевских. Н.К. Михайловский как-то раз самодовольно признался, что он и его единомышленники сознательно травили — и затравили — осмелившегося нападать на них Н.Н. Страхова. Достаточно вспомнить сатирический роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», в котором под видом города Глупова высмеивается традиционная Русь. В этом романе «глуповский бомонд» собирается по ночам, чтобы читать «глупые» критические статьи... Н.Н. Страхова. А это был, как не уставал повторять позже В.В. Розанов, один из самых умных и образованных людей России, который «читал “как по-русски” на 5-ти языках и как специалист и виртуоз знал биологию, математику и механику, знал философию и был утонченным критиком...»¹³. Но ради «высокой идеи» всё дозволено. Если уж можно поглумиться над русским народом и русской историей, то как не высмеять попутно и критика-ретрограда, тем более, если он опасен для дела «освободительной борьбы». Для В.В. Розанова М.Е. Салтыков-Щедрин был одним из самых ненавистных писателей: «Этот ругающийся вице-губернатор — отвратительное явление»¹⁴. А мы до сих пор читаем эту откровенную пошлость и восхищаемся талантом «великого сатирика»...

Кстати, сама охранительная деятельность испуганного революционными выступлениями правительства была во многом только естественной реакцией власти на разрушительные действия радикалов. По мнению В.В. Розанова, вред от деятельности «освободителей» превышает их достижения: «Без Чернышевского и “Современника” Россия имела бы конституцию уже в 60-х годах; без Желябова, как “благодетеля”, она имела бы ее в 1881 году»¹⁵.

В 1909 году В.В. Розанов вступил в открытую борьбу со своим бывшим другом Д. С. Мережковским, осуществившим идейный захват религиозно-философского общества по всем правилам либерально-интеллигентского рей-

¹²Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1958. С. 268.

¹³Розанов В.В. Листва. Уединенное. Опавшие листья... С. 283.

¹⁴Там же. С. 12.

¹⁵Розанов В.В. Тьма... // Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М.: Республика, 2005. С. 328.

дерства. Вскоре В.В. Розанов получил неожиданную поддержку в виде знаменитого ныне сборника «Вехи». С убедительной критикой духовных основ, идейной доктрины «освободительного движения» в нем выступали не отпетые реакционеры и охранители, к которым «прогрессивная» печать, разумеется, относилась и В.В. Розанова, а выходцы из той же либеральной интеллигенции, разочаровавшиеся в ее идейных началах и общественно-политической практике. В.В. Розанов, который с 1890-х годов вел борьбу с интеллигентщиной, ярко раскрытой в сборнике ее авторами, с самого вступления в литературу, поддержал «веховцев», которые по-своему, в более умеренной форме, высказали примерно близкие ему идеи. «Пафос революции есть отрицание, ненависть и разрушение», — заявляли, подобно В.В. Розанову, и «веховцы». Они также обвиняли интеллигенцию в невнимании к серьезным идеям, особенно религиозным, в неприятии глубоких мыслителей-идеалистов. Разница была только в том, что их, плоть от плоти интеллигенции, трудно было обвинить в ретроградстве или охранительстве. «Вехи» в течение одного года выдержали несколько изданий, и идеи сборника получили широкое распространение в обществе. Но машина либерального подавления свободной мысли мгновенно переключилась с сил реакции на этих искренних, далеких от консерватизма мыслителей, навесив на книгу ярлык «энциклопедии либерального ренегатства»¹⁶. На участников «Вех» обрушился «девятый вал» критики.

Д.С. Мережковский, взгляды которого в этот период представляли собой квинтэссенцию интеллигентщины, набросился на «веховцев» в своем ярком докладе на заседании Религиозно-философского общества, напечатанном потом в виде статьи «Семь смиренных». Он утверждал, ссылаясь почему-то на Ф.М. Достоевского и Апокалипсис, что отступников от революции сближает не вера, а лишь «общая ненависть», зато в освободительном движении есть «тайный религиозный смысл»¹⁷. Завершил свое выступление этот «престижитатор фраз», как припечатал его в ответной статье В.В. Розанов¹⁸, здравицей в честь союза русской интеллигенции и русской революции¹⁹.

В.В. Розанов, выступив в поддержку бывших позитивистов и марксистов, разочаровавшихся в революции и интеллигенции, написал, что «Вехи» — «са-

¹⁶ Каблуков С.П. Дневник. 1911 г. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 17. С. 489.

¹⁷ Мережковский Д.С. Семь смиренных // Вехи: pro et contra. Антология. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1998. С. 109.

¹⁸ Розанов В.В. Мережковский против «Вех» (Последнее Религиозно-философское собрание) // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 355.

¹⁹ Мережковский Д.С. Семь смиренных... С. 110.

мая грустная и самая благородная книга, какая появилась за последние годы». Далее он разразился длинной тирадой против Д.С. Мережковского, против литературного гнета интеллигентской печати: «Но Мережковский перевернул всё дело: русскую интеллигенцию, могучую, владеющую всей печатью, с которой очень и очень считается правительство, <...> он представил плачущую жалкую лошаденкою в сне Раскольников...»²⁰.

В другой статье, «К пятому изданию “Вех”», опубликованной в марте 1910 года, когда стало ясно, что провалилась даже мощная пропагандистская кампания по дискредитации сборника, Розанов отметил: «Успех “Вех” произошел отчасти оттого, что никакая брань на книгу не могла переубедить общество, что здесь подали голоса свои самые чуткие, самые впечатлительные люди страны...»²¹.

Со времен Первой русской революции, когда сам В.В. Розанов заметно полевел, у него установились своеобразные, почти дружеские отношения с Максимом Горьким по переписке, хотя они никогда не виделись. М. Горький не без симпатии относился к некоторым бунтарским сторонам его противоречивой натуры (выступлениям против церковного аскетизма и исследованиям метафизики пола), однако в постоянных спорах они, как типичные представители оппозиционного и консервативного направлений, не особенно церемонились друг с другом.

М. Горький, например, призывал В.В. Розанова покинуть «Новое время», как «поганое место»²², а тот, в свою очередь без обиняков описывал заочному собеседнику его литературную биографию как путь от талантливого литературного протеста к ложной славе и творческой деградации из-за захваливания: «...Ваша натура боевая — положение (с детства) — в протест; и пока Вы были “протестующий” — “натура” и говорила золотые слова <...> Вас подняла “с.-д.” — и понесла на плечах. Она принесла Вам триумф: и, когда вместо “клоповника” Вы очутились “в меду”, естественно иссякла сила Вашего голоса...»²³. Позже он скажет об этом искусственно созданном авторитете М. Горького, игравшего хотя и заметную, но лишенную самостоятельности роль в леворади-

²⁰Розанов В.В. Мережковский против «Вех»... С. 358.

²¹Розанов В.В. К пятому изданию «Вех» // Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М.: Республика, 2005. С. 97.

²²Письма А.М. Горького к В.В. Розанову и его пометы на книгах Розанова. Вст. заметка, подг. текста и примеч. Л.Н. Иокар // Контекст-1978. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1978. С. 302.

²³Розанов В.В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. С. 518.

кальной пропагандистской машине: «...его тащили, а он вообразил, что “тащит эпоху за собой”...»²⁴.

В марте 1912 года В.В. Розанов пытался переубедить «буревестника революции» и по интересующему нас вопросу: «А вы пишете, что “страдальцами” были Щедрин и Михайловский. Полноте: стоит какой-то ужас обмана, и вы бог знает зачем с свободной душой и с биографией человека из народа, поплелись за колесницей, которая давила и давит всё бедное, всё гордое, всё честное, всё не сдавшееся <...> Я говорю о Гилярове-Платонове, Страхове, Кон. Леонтьеве (почти и только!), о Говорухе-Отроке... Скажите, какие “несчастненькие” эти Михайловский, у ног которого была вся Россия, и Щедрин, которого косою взглядом трепетал Лорис-Меликов»²⁵.

Не менее интересен эпистолярный диалог В.В. Розанова с Александром Блоком, яркий пример идейного спора мыслящего «консерватора» и одного из лучших, наиболее разумных представителей либеральной «интеллигенции», моральный «кодекс» которого зиждется на проповеди гуманизма. А.А. Блок, споря с В.В. Розановым, писал в 1909 году: «Ведь я, Василий Васильевич, с молоком матери впитал в себя дух русского гуманизма <...> я по происхождению и по крови “гуманист”, т. е, как говорят теперь, “интеллигент”»²⁶. Как ни удивительно, А.А. Блоку и В.В. Розанову удалось, в силу широты их взглядов, в какой-то степени понять друг друга. Хотя В.В. Розанов с пониманием отнесся к чувству «кровной интеллигентности» и признал справедливость негодования А.А. Блока на «сабли, палки и попов», но даже у него он ощущает интеллигентские симпатии к терроризму: «...бомба — *решительно вам не отвратительна*»²⁷. А А.А. Блок и не отрицает этого: «...я действительно не осужу террора *сейчас*», находя оправдание терроризма в том, что революционеры... «убивают как истинные герои, с сияньем мученической правды на лице <...> без малейшей надежды на спасение от пыток, каторги и казни...», а еще потому, что «правда всегда на стороне юности» и «революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица»²⁸. От такого высказывания — прямой путь к поэме «Двенадцать». Но не всё так просто было с большим поэтом, что показала и его предсмертная драма. Да и еще раньше А.А. Блок доказал

²⁴Розанов В.В. М. Горький и о чем у него «есть сомнения», а в чем он «глубоко убежден»... // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 620.

²⁵Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 521.

²⁶Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. С. 274.

²⁷Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 516.

²⁸Блок А.А. Собрание сочинений... Т. 8. С. 276–277.

все-таки свою литературную самостоятельность, выступив в 1915 году с мужественной статьей в защиту от интеллигентского идейного террора «литературных изгнанников» — несправедливо забытого поэта Аполлона Григорьева и своего современника-«реакционера» — В.В. Розанова...

Примерно к 1909 году В.В. Розанов начинает праветь, и многочисленные пушки либеральной печати, в соответствии с правилами ведения литературного террора, открывают по нему залповый огонь.

В 1911 году атаки усиливаются. После убийства П.А. Столыпина, которое потрясло В.В. Розанова, он написал ряд гневных статей, в которых осуждал левую печать, идейно подготавливавшую убийство, а после того, как оно произошло, призывавшую помиловать убийц. Не удивительно, что «канонада» как в печати, так и в общественных объединениях, еще более усилилась. Секретарь Религиозно-философского общества С.П. Каблуков предложил исключить В.В. Розанова из его членов²⁹, но тогда этой показательной акции, видимо, еще не пришло время. Вероятно, «по случайному совпадению», примерно тогда же В.В. Розанову приходится отбиваться от почтенного либерала П.Б. Струве, определившего его как «органически безнравственную и безбожную натуру»³⁰. Вскоре К.И. Чуковский опубликовал открытое письмо, в котором риторически взывал к писателю, требуя опровергнуть свое утверждение, что В.В. Розанов равнодушен к политике, к родине, к Богу, и единственная его святыня — «чресла»³¹. К концу года Д.С. Мережковский и Д.В. Filosofov потребовали от издателя популярной либеральной газеты «Русское слово» убрать из нее В.В. Розанова, угрожая собственным уходом.

Парируя нападки «слева», В.В. Розанов пишет статью под названием «Литературный террор» (1911). Он начинает ее прямо со слов: «Социал-демократия давно установила в нашей литературе террор»³². Далее он развивает свою мысль, показывая, как это работает: «Орудие террора — лишение чести, опозорение. <...> Что для женщины “красота лица”, то по понятным мотивам для писателя есть оценка его нравственной личности, его искренности и правды. Лишенный этих измерений, писатель, само собою разумеется, не существует. Социал-

²⁹ Каблуков С.П. Дневник. 1911 г. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 17. С. 352.

³⁰ Струве П.Б. Большой писатель с органическим пороком // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 385.

³¹ Чуковский К.И. Открытое письмо В. В. Розанову // Розанов В.В.: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995. С. 126–134.

³² Розанов В.В. Литературный террор // Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.: Республика, 2005. С. 18.

демократия сама бессильна овладеть литературою: ведь талантов там нет <...>; зато она задавила всякие протест против себя, через угрозу “опозорения”, и в значительной степени заставила служить себе “сочувственными отзывами”, или “почтительной полемикою” почти всю печать. Всё сводится к шантажу, угрозе и клевете: и вне этих орудий социал-демократия, в сущности, литературно не существует³³. Чуть позже В.В. Розанов напишет: «Политическая свобода и гражданское достоинство есть именно у консерваторов, а у “оппозиции” есть только лакейская озлобленность и мука “о своем ужасном положении”»³⁴.

Травля шла по всем фронтам. Однако Розанов не только не унимался, но и стал еще более консервативным и, как блудный сын, вернулся в Церковь, с которой воевал много лет. Наступило время расцвета розановского таланта. В 1912 году появляется его блестящая, единственная в своем роде книга афоризмов «Уединенное». За ней следуют близкие по форме «Опавшие листья», а также «Литературные изгнанники», «Среди художников», «Письма к А.С. Суворину»... С одной стороны, нарастала критика оппозиционной печати, с другой — пришло время широкого признания таланта Розанова, в том числе, что немаловажно, и самыми вдумчивыми представителями творческой интеллигенции.

Критика либеральной и революционной оппозиции, защита принципов монархизма, борьба с «левой» печатью, неустанное напоминание о традиционно мыслящих «литературных изгнанниках», утверждение национальных идеалов, опора на Церковь — все это позволяет отнести зрелого В.В. Розанова к заметным представителям консерватизма.

Книга «Литературные изгнанники», которая занимает особое место в творчестве писателя, появилась в это время растущего признания не случайно. У В.В. Розанова была очень хорошая черта: у него болела душа за другого человека (об этом писал А.М. Ремизов). Болела душа еще и потому, что в жизни нигилизм как-то всё брал верх, а те мыслители, которые пытались приостановить его торжествующий ход, умирали в неизвестности. В.В. Розанов очень надеялся, что его личный успех в литературе будет способствовать и росту популярности близких ему забытых писателей религиозно-идеалистической направленности. Ему было с кого брать пример в своей деятельности по восстановлению памяти «литературных изгнанников». Его старший друг Н.Н. Страхов, несмотря на огромные трудности и идейное противодействие, издавал и популяризи-

³³ Розанов В.В. Литературный террор... С. 19.

³⁴ Розанов В.В. Листва. Уединенное. Опавшие листья... С. 271.

ровал Аполлона Григорьева и Н. Я. Данилевского, отрывая время от собственного творчества. В.В. Розанов шел по тому же благородному пути: : «Что это, неужели я буду “читаем” (успех “Уед<иненного>”)? То только, что “со мной”» будут читаемы, останутся в памяти и получают какой-то там “успех” (может быть ненужный) Страхов, Леонтьев, Говоруха бы Отрок (не издан); может быть, Фл.<оренский> и Рцы. Для самого — не надо, и м<ожет> быть, не следует»³⁵.

Для В.В. Розанова было важно, в частности, то, что он своей деятельностью способствовал популяризации славянофилов: «По уму и сердцу я стою ниже славянофилов, каких-то “безукоризненных” (у меня много “укоризи”). Но мое “прекрасное” в том, что я полюбил этих тихих и милых людей, — “жиденьким умом” разглядел, что они первые по уму в России. И приложил свое деятельное и хитрое плечо к их “успеху”. Так и да будет»³⁶.

В.В. Розанов поддерживал всякое практическое начинание, направленное на созидание, а не на разрушение. Так, он очень высоко ценил книги религиозно-философского издательства «Путь», раскрывавшего богатство отечественной мысли и публиковавшего книги о А.С. Хомякове, Г.Е. Сковороде, В.С. Соловьеве, К.Н. Леонтьеве, сочинения В.Ф. Одоевского, П.Я. Чаадаева, И.В. Киреевского, книги Н.А. Бердяева, прот. Сергея Булгакова, В.Ф. Эрна, о Павла Флоренского. В.В. Розанов пишет статьи в поддержку «Пути». Он надеется и сам там напечататься, но умеренный либерал кн. Е.Н. Трубецкой, в основном определяющий издательскую политику журнала, относится к его личности и идеям весьма сдержанно. Характерно, что даже это, вполне «беспартийное» и просветительское по направлению издательство подвергалось критике в «левой» печати. По мнению В.В. Розанова, это происходило потому, что оно, печатая «литературных изгнанников», шло «против течения» и боролось своими книгами с «загаженностью литературы, ее оголтело-радикальным характером, ее кабаком отрицания и проклятия»³⁷.

Поздние книги В.В. Розанова в жанре «Опавших листьев», которые дошли до читателя только в наше время, почти наполовину состоят из сетований на тему литературного террора и напоминания о достоинствах несправедливо забытых литераторов, о которых всё время печется писатель.

В.В. Розанов сетует: «Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского... задавили всё скромное и тихое на Руси, всё вдумчивое на Ру-

³⁵Там же. С. 136.

³⁶Розанов В.В. Сахарна. С. 168.

³⁷Розанов В.В. Листва. Уединенное. Опавшие листья... С. 169.

си»³⁸. «Что я всё печалюсь? Отчего у меня такое горе на душе с университета. “Раз Страхова не читают — мир глуп”. И я не нахожу себе места»³⁹. «“Судьба Страхова в литературе”, “судьба Ап. Григорьева в литературе”, судьба зоологических идей Н. Я. Данилевского в русских *зоологических и биологических представлениях* — это от 1891 до 1916 года намучило меня гораздо более, чем “моя судьба”, которую я, кстати, я отнюдь не считаю несчастною»⁴⁰.

В 1913 году пришло время тяжелых испытаний и для самого В.В. Розанова. В конце года, в связи с выраженными в ряде его статей взглядами, резко расходящейся с либеральными понятиями, против него разворачивается мощная кампания «демократической» печати. Его исключают из Религиозно-философского общества. Книги совсем перестают расходиться: организован негласный бойкот его сочинений, и в перспективе начинают маячить финансовые затруднения.

В.В. Розанов понимает, что и ему уготована судьба одного из «литературных изгнанников»: «Неужели эта тусклая и бессильная борьба с кабаком, как у Страхова, есть и судьба моя?»⁴¹. Но он знает цену своему таланту и, несмотря на все известные рассуждения о «вечно-бабьем» в его характере, мужественно вступает в борьбу, надеясь победить: «Вы мне куете судьбу, как Страхову (“не читают”), но страховской судьбы у меня не будет. Я хитрее его и я талантливее его»⁴². Но собственную литературную судьбу он не отделяет от судеб близких по духу, хотя и менее удачливых предшественников. И это ощущение, что он борется не только за себя, но и выполняет благородную миссию по спасению памяти и чести наиболее достойных отечественных мыслителей, по очищению русской литературы, даже по спасению родной земли, придает ему силы в неравной борьбе, позволяет черпать веру в победу в своеобразной молитве. Главным же своим оружием он избирает не доводы рассудка, а *красоту*, т. е. литературное мастерство:

«Что смущаешься, Розанов? Будь *красивее*. Литература — красота: и если ты будешь красивее, ты победишь.

Приляг к земле, как зверь, и ползи, и ластись. Красивую строчку пусти. И короткие очи. Всё употреби в дело. И — победи.

³⁸ Розанов В.В. Сахарна. С. 18.

³⁹ Розанов В.В. Около трудных религиозных тем // Розанов В.В. В чаду войны. М.: Республика; СПб: Росток. С. 43.

⁴⁰ Розанов В.В. Сахарна. С. 8.

⁴¹ Розанов В.В. Мимолетное. 1914 год... С. 415.

⁴² Розанов В.В. Сахарна. С. 240.

Ты не должен не победить. Ты не вправе не победить. За тобой кабак. Если ты не победишь, кабак разольется и затопит всё. <...> Только чудо может спасти. Розанов, будь чудом своей земли. И моли Бога, моли Бога, потому что ты *сам* ничего не можешь, но если Бог *с тобою* — чудо выйдет»⁴³.

И можно сказать, что это чудо свершилось, хотя литературный террор был тогда в самом разгаре. В.В. Розанов не разделил уготованную ему судьбу своих единомышленников — писателя с таким огромным талантом было невозможно дискредитировать хлесткими либеральными ярлыками: «реакционер», «двурушник», «Смердяков», «Передонов» и т. п. Несмотря на яростные нападки идейных противников, В.В. Розанов получил широкую известность еще до революции. Потом был долгий период забвения, но оно коснулось почти всего огромного пласта предреволюционной культуры. А когда десятилетия спустя нам снова открылось всё богатство находившейся под спудом литературы, то талант В.В. Розанова засиял всеми гранями, проливая свет и на тех «изгнанников», за которых у него болела душа.

Сейчас многие из этих забытых имен возвращены из небытия и уже хорошо знакомы современному читателю. В этом, конечно, немалая заслуга Василия Васильевича Розанова. Константин Леонтьев, который при жизни вечно жаловался, что о нем ничего не пишут, сегодня является одним из самых популярных консервативных мыслителей-пророков. Фундаментальный труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» стал настольной книгой отечественных историков и философов. Недавно вышел в свет большой двухтомник совершенно, казалось бы, забытого Ю.Н. Говорухи-Отрока. Начали появляться публикации произведений Н.Н. Страхова...

Иначе складываются литературные судьбы идейных оппонентов В.В. Розанова. Дмитрий Мережковский, вставший на сторону либерального террора, а потом и возглавивший кампанию по отлучению от литературы своего бывшего друга, после лелеемого им революционного переворота оказался выброшенными за пределы страны вместе со своими пресловутыми «религиозной общественностью», «триединством» и «новой церковью». И хотя он продолжал на Западе писать еще долгие годы, теперь уже ясно, что ему не суждено духовно вернуться в Россию, ибо это чужеродное русской культуре явление. Его книги также снова печатаются в нашей стране, но их успех несопоставим с розановскими тиражами. Поэтому не будет преувеличением сказать, что вся его идейная борьба с В.В. Розановым закончилась полным поражением.

⁴³Там же. С. 239.

Но, может, еще более трагичной была история умеренных и вполне благородных либералов типа последователя В. С. Соловьева князя Е.Н. Трубецкого. Как иронически писал В.В. Розанов, «князь-публицист» больше всего на свете боится греха национализма и «всё плачется: “Зачем Россия так велика?” “Зачем Россия объединила земли?” “Зачем она много-народна, сжав под одной короной столько племен?”»⁴⁴. Трубецкой выступал против национального направления из самых высоких побуждений — во имя универсального, но несколько абстрактно понимаемого соединения всех людей во Христе. Он решительно осудил поэтому горячее исповедание национализма молодого публициста Д.Д. Муретова в «Русской мысли» и даже самого издателя журнала П.Б. Струве за публикацию подобных материалов. В.В. Розанов вступил в полемику с либерально настроенным представителем княжеского рода, упрекнув его за фактическое соучастие в заговоре левой печати с целью «повредить родине»⁴⁵. В.В. Розанов, оспаривая выводы кн. Е.П. Трубецкого, для которого любовь к родине есть грех, дал свое понимание национализма: «Национальное чувство есть доброе и мирное чувство мирных лет: это пассивная, не деятельная любовь к месту рождения своего, к своей родине, к своей земле, отечеству». Однако, когда русская народность подвергается нападению и возникает угроза самому ее существованию, тут «явится “национализм”, — и это есть то же прежнее чувство, но уже активное, борющееся, защищающееся. Национализм рождается из народного самосознания, как “армия” рождается из “народа”»⁴⁶.

Как известно, кн. Е.П. Трубецкой, который в годы Первой мировой войны проявлял себя непримиримым противником «зоологического национализма», после революции вступил в Добровольческую армию для борьбы с захватившими власть «врагами Церкви и России», и даже высказывал негодование по поводу «забвения идеи нации». Но не сам ли он способствовал росту подогреваемых большевиками пораженческих настроений, неумоимо выступая во время войны против «братоубийственного раздора народов» и пугая читателей жупелом «шовинизма»?.. Не удивительно, что сочинения кн. Е. Н. Трубецкого имеют сегодня несравненно меньшую популярность, чем книги его оппонента в споре В.В. Розанова.

Во время Первой мировой войны В.В. Розанов, рассчитывая на подъем патриотического духа, призывал читателей обратить внимание на славянофи-

⁴⁴Розанов В.В. На лекции кн. Е.Н. Трубецкого // Розанов В.В. На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913–1915 гг. М.: Республика; СПб.: Росток. С. 399.

⁴⁵Розанов В.В. Около трудных религиозных тем... С. 326.

⁴⁶Там же. С. 325.

лов, Н.Я. Данилевского, Н.Н. Страхова, К.Н. Леонтьева: «Идите-ка, добрые люди, по магазинам, да выбирайте эти книжки, и штудируйте по ним ваше завтрашнее будущее»⁴⁷. Следуя его примеру, мы можем призвать уже наших современников, в связи с нашей темой: «Читайте В.В. Розанова и “литературных изгнанников”, на избавление которых от забвения он положил столько сил, для того, чтобы лучше понимать наше прошлое, а, следовательно, и будущее».

Источники и литература

1. *Блок А.А.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. М.; Л.: ГИХЛ, 1963.
2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986.
3. *Ильин В. [Ульянов-Ленин В.И.]* О «Вехах» // Вехи: pro et contra. Антология. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1998. С. 488–495.
4. *Каблуков С.П.* Дневник. 1911 г. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 17.
5. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений. В 11 т. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1958.
6. *Мережковский Д.С.* Семь смиренных // Вехи: pro et contra. Антология. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1998. С. 100–110.
7. Письма А.М. Горького к В.В. Розанову и его пометы на книгах Розанова. Вст. заметка, подг. текста и примеч. Л.Н. Иокар // Контекст-1978. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1978. С. 297–342.
8. *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение // *Розанов В.В.* Последние листья. М.: Республика, 2000.
9. *Розанов В.В.* В чадуге войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. М.: Республика, 2002.
10. *Розанов В.В.* К пятому изданию «Вех» // *Розанов В.В.* Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М.: Республика, 2005. С. 96–103.
11. *Розанов В.В.* Литературный террор // *Розанов В.В.* Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.: Республика, 2005. С. 18–21.

⁴⁷ *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение // *Розанов В.В.* Последние листья. М.: Республика, 2000. С. 280.

12. *Розанов В.В.* Листва. Уединенное. Опавшие листья. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.
13. *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.
14. *Розанов В.В.* М. Горький и о чем у него «есть сомнения», а в чем он «глубоко убежден»... // *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. М., 1995. С. 619–623.
15. *Розанов В.В.* Мережковский против «Вех» (Последнее Религиозно-философское собрание) // *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. М., 1995. С. 354–358.
16. *Розанов В.В.* Мимолетное. 1914 год // Когда начальство ушло... М.: Республика, 1997.
17. *Розанов В.В.* Мимолетное. 1915 год. М.: Республика, 1994.
18. *Розанов В.В.* Мысли о литературе. М.: Современник, 1989.
19. *Розанов В.В.* На лекции кн. Е.Н. Трубецкого // *Розанов В.В.* На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913–1915 гг. М.: Республика; СПб.: Росток. С. 398–400.
20. *Розанов В.В.* Около трудных религиозных тем // *Розанов В.В.* В чадую войны. М.: Республика; СПб.: Росток. С. 318–321.
21. *Розанов В.В.* Последние листья. М.: Республика, 2000.
22. *Розанов В.В.* Сахарна. М.: Республика, 1998.
23. *Розанов В.В.* Тьма... // *Розанов В.В.* Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М.: Республика, 2005. С. 325–329.
24. *Струве П.Б.* Большой писатель с органическим пороком // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 378–387.
25. *Чуковский К.И.* Открытое письмо В.В. Розанову // Розанов В.В.: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995. С. 126–134.